

Седьмой год эры Цзялун. Маркиз, усмиряющий дальние земли, Фань Ло, во главе сотысячного войска выступил в поход против Западных варваров.

Час Тигра. Луна уже скрылась, а солнце еще не успело взойти. На границе Наньюэ и Западных холмов клубилась желтая пыль, и всё вокруг казалось выжженным и безжизненным. Вдалеке, там, где небо сходилось с землей, раскинулся огромный шатер предрассветного марева — тревожного, кроваво-багряного цвета.

Костер перед палаткой глухо потрескивал. Дров никто не подбрасывал, и пламя постепенно затухало, бессильно лизало угли.

Десятник Ван Ху, крупный мужчина с тяжелым, медвежьим взглядом, сидел у огня, сжимая в руках копьё Черный Водяной Дракон. Не сводя глаз с алеющего горизонта, он сосредоточенно полировал темное древко куском замши.

— Командир, — к костру подошел молодой солдат и принялся греть руки над угасающим пламенем. — Я только что с обхода, всё тихо. Небось и эти варвары тоже люди, спят сейчас. Вряд ли они решатся на вылазку в такой час.

На смуглом лице паренька, подсвеченном отблесками углей, блестели живые, доверчивые глаза. Когда он улыбался, на щеках проступали глубокие ямки, а в голосе слышалась мальчишеская беспечность.

Ван Ху не церемонясь отвесил ему подзатыльник увесистой щепкой.

— Языком меньше чеши, щегол! Ты попал в личную гвардию генерала, а не на рынок. Нас тут горстка, а груз на плечах — неподъемный. Хоть на миг расслабишься — я с тебя лично шкуру спущу!

Ван Ху хоть и был всего лишь десятником, но командовал лучшими из лучших. Этих десятерых собирали по всей армии: мастера на все руки, владеющие любым оружием. Их единственной задачей было охранять покой того, кто спал в генеральском шатре за их спинами.

Солдата звали Ли Цюань. Его совсем недавно перевели из пограничного лагеря Западных холмов. В армии бытовало неписаное правило: в дальний поход брать местных, знающих край. Вот его и приписали к гвардии по настоятельной просьбе главнокомандующего Цзяна.

Потирая ушибленный затылок, Ли Цюань обиженно шмыгнул носом и присел рядом. Получить нагоняй в первом же дозоре было досадно. Он понурился и затих, напоминая побитого щенка с площади Цайши.

Ван Ху покосился на него, хмыкнул, но лицо его осталось суровым и неподвижным. Он вернулся к своему занятию, бережно оглаживая копьё.

Наконец тишина стала для Ли Цюаня невыносимой. Любопытство пересилило обиду, и он уставился на Черного Водяного Дракона.

Семь чи длиной. В свете костра древко отливало матовым, как черный камень, блеском, а острие источало могильный холод. По металлу тянулась причудливая резьба, и даже алые кисти у наконечника выглядели свирепо.

Сглотнув, Ли Цюань, точно замороженный, протянул руку и коснулся оружия.

— Красивое... Глава Ван, а что это за цветы на нем вырезаны?

— А ну руки убрал! — Ван Ху хлопнул его по ладони. — Весь жир на металл соберешь, я только вычистил! Цветы ему... Древняя! Это цзяо, водяной дракон.

— Цзяо?

— Дракон безрогий. Древняя тварь, что людей живьем жрет!

Ли Цюань вздрогнул и мигом отдернул пальцы.

— Ох... Ну и жуть.

Он снова присмотрелся. Действительно: чешуйчатое тело дракона обвивало древко, хвост изогнут у основания. Острие выходило прямо из раскрытой пасти, а пустые глазницы драконьей головы, казалось, сверлили его насквозь, вот-вот оживут и вцепятся в горло.

— То-то же, — Ван Ху довольно хмыкнул. — Его Величество лично пожаловал это копьё нашему генералу. Говорят, из небесного камня ковали, три года лучший мастер над ним потел. Такой мощи и стати во всем мире только наш генерал и достоин.

Ли Цюань восхищенно вытаращил глаза.

— Глава, так генерал вам такое сокровище доверяет? Вот это да!

Лесть пришлось десятнику по душе. Он нежно провел мозолистой ладонью по вороненому металлу, словно ласкал любимую женщину. Но через мгновение взгляд его потускнел, и он горько усмехнулся.

— Жаль только, скоро расстаться придется... Прикипел я к нему. Пять лет с генералом в седле, каждый день эту сталь в руках держу, уже как родная стала.

— Это почему же расстаться? — востропнулся Ли Цюань. — Брат Ван, неужто вы уходить собрались?

Хоть Ли Цюань служил под его началом всего ничего, он уже понял: у Ван Ху только на языке колючки, а сердце золотое. О таком командире любой солдат мечтает.

— Собираюсь, — Ван Ху посмотрел на встающее солнце, и его грубое лицо вдруг разгладилось. — Поговорил я с генералом. Как эту битву закончим, всё — вешаю меч на гвоздь и иду в деревню землю пахать.

В голосе тридцатилетнего воина послышалась несвойственная ему нежность.

— Жена весточку прислала... Понесла она. Скоро отцом стану.

— Да неужто? — Ли Цюань просиял так, будто это он сам ждал прибавления. — Брат Ван, поздравляю от всей души!

— Ну, спасибо, — хрипло рассмеялся десятник. Он огляделся по сторонам и, точно воришка, выудил из-за пазухи пару крошечных башмачков, не больше половины его ладони.

Красный атлас, на носках искусно вышиты желтые тигриные мордочки, а спереди пришиты два золотистых бубенца. Ван Ху слегка встряхнул их, и звонкий, чистый звук маленьких колокольчиков разнесся по пустыне, точно глоток ключевой воды.

— В городке одном приметил, втихомолку купил. Работа тонкая. Через полгода как раз дома буду... Имена уже придумал: если сын — Сяо Ху, Маленький Тигр, а если дочка — Сяо Лин. Хорошо ведь звучит, а? — Он улыбался как последний дурак.

— Очень хорошо! — Ли Цюань закивал, выставив большой палец. — У вас талант имена давать, Глава!

— А то! Ладно, парень, ты-то сам откуда будешь? В этой суматохе и расспросить тебя толком не успел.

Ли Цюань смущенно опустил глаза.

— Да вы зовите меня Эр Гоуцзы, по-простому. Родители рано ушли, остались мы с сестрой вдвоем. У нас в деревне старики говорят: чем «подлее» имя, тем легче выжить. Сам я из Ичжоу, из деревни Гума. Пошел служить, чтобы сестренке приданое справить, вот за несколько лет и накопил.

Обычный крестьянский парень. В смутные времена прокормиться да сестру в люди вывести —

вот и всё счастье.

Ван Ху прищурился.

— Приданое — дело хорошее. Под началом нашего генерала хоть и солоно приходится, но если голову на плечах сбережешь, то не только сестру замуж выдашь, но и сам на дочке старосты женишься. Кстати, а у вашего старосты дочка не в него пошла? У него ведь лицо, небось, как у мерина, раз деревня Гума — Лошадиная?

Ли Цюань так и застыл.

— Глава... вы что, нашу деревню знаете?

— Обижаешь! Я же из соседней, Деревни Тополей и Ив! Тут рукой подать. Это уже потом, как беда пришла, мы в столицу к родне подались.

Узнав, что перед ним почти земляк, Ван Ху и вовсе расслабился.

— Ну-ка, Эр Гоуцзы, рассказывай, как там наши? Ива кривая у въезда еще стоит? А кузнец, дедушка Чжоу, мой сосед — как он, ноги еще носят?

Они увлеклись разговором, вспоминая родные места, и не сразу заметили тихий свист.

Когда пылающая стрела с воем вонзилась в сухую землю прямо перед ними, Ван Ху в мгновение ока осознал: началось.

Западные варвары славились своей свирепостью и хитростью. Они выбрали час Тигра — время, когда сон сильнее всего клонит к земле. И первая же их стрела была нацелена в самое сердце лагеря.

— Мать вашу за ногу! — Ван Ху вскочил, одним ударом сапога затаптывая угли, и с нечеловеческой силой ударил в боевой барабан. — Враг! Защищайте генерала!

Лагерь мгновенно ожил. Солдаты, приученные годами войн вскакивать по первому зову, вываливались из палаток, на ходу хватаясь за клинки.

Крики и топот неслись отовсюду, будто земля содрогалась от ярости.

Ван Ху стоял как вкопанный: в одной руке копьё генерала, в другой — верный меч с головой призрака.

— Держать строй! — взревел он. Десять гвардейцев выстроились в ряд, встречая волну горящих стрел сталью щитов и клинков.

По всему лагерю кипела схватка. Левый и правый фланги уже сошлись с варварами в рукопашную.

Ван Ху обернулся и увидел, как Эр Гоуцзы возится с какой-то красной лентой, пытаясь повязать её на шею.

— Дурень! Жизнь надоела?! — Десятник попытался сорвать яркую тряпку. В ночном бою такой лоскут — лучшая мишень для лучника.

— Не трогайте! — обычно кроткий парень огрызнулся, не давая сорвать ленту. — Это сестра своими руками сделала, оберег мой! Он всегда меня спасал!

— Тьфу на тебя!

Ван Ху сплюнул, зарубил подскочившего варвара и больше не оглядывался. Кровь заливала глаза, варвары перли напролом, будто заранее знали всё расположение лагеря. Несколько раз им почти удалось прорваться к шатру.

Десятник орудовал палашом, не отпуская копье, и казался несокрушимым изваянием у входа в палатку.

Внезапно по его спине пробежал холод. Среди грохота битвы он ощутил нечто чужеродное — ледяную, пронзительную жажду крови.

Боевое чутье взвыло от опасности. Ван Ху резко развернулся и встретился взглядом с парой черных, нечеловеческих глаз. В глубине зрачков поблескивал кровавый отсвет.

Ночная сова.

Ван Ху замер. В деревьях о таких тварях шептались с ужасом: те, кто крадетя в лесах, выслеживая добычу в ночи.

Десятник открыл рот, чтобы предупредить своих, но почувствовал лишь резкий холод в горле.

Боли не было. Только ледяное прикосновение наконечника, прошедшего насквозь. Воздух со свистом выходил из раны, и голос подвел его.

В глазах великана Ван Ху отразились гнев, недоумение и внезапная, пронзительная тоска. А

затем пришел покой.

Он рухнул навзничь, подняв облако пыли.

В угасающем сознании ему почудился звон бубенцов — тихий, серебристый звук, точно зов за грань мира.

— Папа... Папа... — шептал детский голос.

Ван Ху застыл с легкой, едва заметной улыбкой на губах. В его открытых, остекленевших глазах запечатлелся образ малыша в красных башмачках, который, смеясь, бежал к нему по мягкой траве, протягивая пухлые ручонки.

<http://bllate.org/book/17414/1646855>